

«О, ДИВНЫЙ ОСТРОВ ВАЛААМ!»:
паломничество на Валаам в русской литературе
и публицистике Эстонии в 1930-е гг.

ТАТЬЯНА ШОР

Валаам настолько своеобразен, что сколько бы ни делали описаний, всегда будет своеобразно другое описание, потому что художественных, исторических и монастырских особенностей здесь не сосчитать [Случевский 1888: 467].

Туристы! Все не по-русскому говорят. Им чего тут делать? Подъехали, посмотрели, дескать, остров как остров — и дале... некогда, вишь [Зайцев 1936: 69].

Валаам — памятник лесоразведения и лесопаркового искусства [На Валаам 1966: 23].

Комплекс исторических, религиозно-эсхатологических и эстетических мотивов, связанных с Валаамом¹, позволяет назвать его, наряду с Китежем, легендарным литературным топонимом, хотя и не таким популярным. В конце XIX в. поэт К. Случевский, посетивший знаменитый монастырь в составе

---

¹ *Валам, Валаам*, финн. *Valamo*, аборигены-карелы называют остров *Valamoî*. Наиболее частая версия перевода топонима — «высота», «высокая земля»; более раннее толкование: от финского слова *varata* — «горная земля», измененного под влиянием шведского языка в *Valamo*. Некоторые современные исследователи предлагают другую версию, считая, что в основе лежит финское *valaa* — «лить» (металл), «отливать» (из металла). Любое из этих толкований по внутреннему смыслу ближе к существу названия острова, чем связь с библейским образом месопотамского волхва Валаама, заставившего своим упрямством заговорить ослицу [Остров Валаам: 17; Горбаневский 1987: 94–95].

свиты вел. князя Владимира Александровича во время путешествий по Северо-Западу России, подробно излагая историю и легенды православного Валаама, писал о «неправильности его административной зависимости от Финляндии» [Случевский: 467].

В 1920–1930-е гг. древний монастырь оказался на территории нового независимого государства Финляндии. Следует отметить, что российской имперской системе на северо-западных границах не хватало «цивилизационного потенциала». Россия так и не смогла добиться культурного подчинения народов западных окраин, обеспечивая свое могущество исключительно военной мощью и административным ресурсом. В связи с этим в отпавших от России государствах процесс формирования самостоятельных культур происходил с большой интенсивностью. Так, Закон о Православной Церкви в Финляндии был утвержден уже 26 ноября 1918 г. Согласно этому закону, Православная Церковь получила в Финляндии статус «национальной Церкви меньшинства», а монастыри расценивались как неотъемлемая часть церкви [Baschmakoff, Leinonen: 168–169]. По сообщению эмигрантских газет 17 июня 1922 г., епархиальный совет финской Греко-католической Церкви объявил автокефалию, и уже в следующем году был осуществлен переход на новый (григорианский) календарь, на который пришлось перейти и Валааму [Жизнь 1922: 3]. Это повлекло за собой раскол в среде братии, некоторые сторонники юлианского календаря были изгнаны из монастыря [Харитон: 336, 339]. Постепенно приходилось закрывать скиты. Из 13 дореволюционных скитов осталось 7, из которых населены были только Предтеченский, Тихвинский и Всесвятский.

Несмотря на печальное разделение братии, Валаамская обитель оставалась светильником православной веры как для русских, так и для местных карелов и финнов². В 1930-е гг. под

---

² Ежегодно созывались съезды духовенства и мирян, с 1926 г. в надвратном храме в честь апостолов Петра и Павла иеромонах Исаакий вел регулярные службы на финском языке. 20.09. 1931 г.

руководством иеромонаха Фотия и иеродиакона Досифея ученики иконописной школы трудились над реставрацией собора. В обители удалось сохранить традиции старчества, например, на Предтеченском острове жил известный среди паломников схиигумен Иоанн (Алексеев) [Янсон 1938: 11; Валаам 1935: 38–39]. Валаам славился богатым собранием старинных книг и рукописей, в 1933–1934 гг. там издавался старообрядческий «Коневецкий листок» [Baschmakoff, Leinonen: 176–179].

Большинством русской эмиграции Валаамский монастырь воспринимался как осколок истинно русской религиозной жизни, и шире — как заповедник древнего христианства³, как остров «ушедшей России».

Кто не перекрестится усердно, заметив обитель не на открытой равнине, как бóльшая часть монастырей в средней России, но среди бурных Ладожских вод, в ущельи уединенного острова, на вершине высокой каменной скалы? Неминуемая мысль, — какую чистую, высокую веру должно питать в здешнем уединении и какие тяжкие труды должно несть, чтобы превозмогать здешние неудобства жизни, заставляет всякого благоговеть перед Валаамом,

— так писал автор брошюры о Валааме в середине XIX в. [Остров Валаам: 16].

Эти же чувства с искренней непосредственностью переданы и в стихотворении юной таллиннки Ирины Кайгородовой

в Воскресенском скиту открылся детский приют на 30 мальчиков из бедных православных семей Карелии [ИАЭ 5355–1–288].

³ В интервью хельсинкской газете “Huvudstads” голландский ученый-византолог Лодевик Гермен Грондиёс (Lodewijk Hermen Grondijs, 1878–1961), побывавший в 1934 г. на Валааме, сказал: «У вас на вашей территории существует последний во всем мире монастырь, где еще живет христианство в его древнейшей форме с его характерными духовными ценностями. Я долго беседовал с монахами и могу засвидетельствовать, что они не жалуется на свою судьбу и никто из них не занимается политикой... При посещении монастыря невольно вспоминаешь святого Франциска Ассизского и древние легенды о святых. На Валааме стремятся к совершенству на земле по примеру первопроходцев» [Валаамский монастырь: 173].

«Валаамский монастырь», опубликованном в 1928 г., когда Валаам уже почти десятилетие не принадлежал России:

Под игом времени все прежний, невредимый,
 Как сотни лет назад, так в наш печальный век
 Он тихо смотрит ввысь, озерами хранимый...
 Что для него борьба, где бьется человек?
 Он сторож тишины, залог России прежней
 И будущей Руси, бессмертной и святой,
 И старцы-схимники в простой своей одежде
 Хранят в себе его незыблемый покой.
 И нас он охватил своею верой твердой;
 И вечером, когда по небу разлились
 Удары гулкие, и купол строго-гордый
 Весь зазвучал от них, и, устремляясь ввысь,
 Призывный гулкий звон над Ладогой широкой
 Разлился далеко, сливаясь с тишиной —
 О как тогда на нас повеяло глубоко
 Россией царственной, великой и родной!
 Как ясно стало нам, как вера пробудилась!
 Мы слышали его могучий русский зов...
 Так вот куда сейчас Россия схоронилась
 С душой нетронутой под тяжестью оков! [Кайгородова: 2]

В 1930-е гг. Валаам — это «русский Афон», переместившийся с периферии русской светской культуры, где он жил в качестве местной легенды, к центру. Борис Зайцев, побывавший на Афоне [Зайцев 1993: 206], а затем на Валааме, тонко передает состояние «путника» и «странника» по жизни, ощущение нераздельности природы и человека и их единения с Богом. У писателя это чувство охватывает русских паломников-эмигрантов при соприкосновении с островным ландшафтом Валаама:

Но вот дальше, войдя в лес, очутились уже в стране неведомой.
 Неведомая, да родная! Ведь это все мое, в моей крови, я вырос в
 таких именно лесах, с детства все знаю: горький аромат хвои,
 песчаные колеи, комариков, вьющихся за тобой, слегка отстаю-
 щих, пока идешь, и неизменно свое напевающих, и белку, мет-
 нувшую рыжим хвостом, проскакавшего зайца. В общем, ведь все
 это радость, Божья благодать [Зайцев: 75–76].

На десятилетие обитель как осколок истинно российской жизни становится одним из ключевых образов духовной культуры русского зарубежья. Он оформляется под влиянием житийной литературы и путешествий-паломничеств, начатых в русской традиции с «Хожения Даниила русския земли игумена». Основные черты жанра «хождения», сближающие его с путеводителем — «географизм», цитатность (т.е. включение в текст явных и скрытых цитат из Библии, апокрифических сказаний, легенд и исторических рассказов), а также общерусский православный патриотизм — присущи и «валаамскому тексту» первой половины XX в. В этот заповедный уголок Европы устремлялись русские паломники в чаянии духовного обновления, укрепления веры и просветления. Если светский туризм совсем не обязательно связан с духовным ростом личности, то в нашем контексте герои сознательно стремятся к духовному очищению. Увидеть святых, прикоснуться к тайнам отшельничества — одна из задач паломника⁴.

К кругу паломнической литературы на Валаам, возникшей в 1930-е гг., относятся как художественные, так публицистические тексты. В этом своеобразном цикле мы рассматриваем произведения профессиональных писателей — ностальгический очерк⁵ И. Шмелева «Старый Валаам»⁶ и повесть-путешествие Б. Зайцева «Валаам». К паломнической публицистике Эстонии, помимо газетных и журнальных заметок в местной печати, относятся «Валаамские впечатления» Иоанна Богоявленского (1937), две книги Михаила Янсона — «Валаамские старцы» (1938) и «Большой скит на Валааме» (1940), а также

---

⁴ Ср.: “Some of them, such as the schema-monk Yefrem, gave the pilgrims spiritual support and guidance, which was indubitably needed in the difficult circumstances of emigre life” [Baschmakoff, Leinonen: 12].

⁵ Так, А. М. Любомудров определяет жанр юношеского произведения Шмелева «На скалах Валаама» и его позднейшее переосмысление в книге «Старый Валаам» как очерк [Любомудров: 381].

⁶ «Старый Валаам» написан в Париже в 1936, издан в монастыре св. Иова Почаевского во Владимировой (Карпаты, Чехословакия) в 1937 г. [Любомудров: 369, 377, 391].

очерки, стихотворения и были, частью опубликованные в «Православном собеседнике», позже вошедшие в опубликованный дневник «Путевая тетрадь: (На Валаам!)» (1940), Александра Осипова.

Все авторы отмечают особенность валаамского хронотопа — возможность явственно ощутить замирание и мерцание времени. Во время путешествия они попадают в локусы, где время застыло и не ощущается — это древние недвижные скалы, воды Ладоги, вековой лес. В монастырском комплексе течение времени воплощается в храмах и часовнях, старом иноческом кладбище, в каменных крестах, в одежде монахов, в монастырской библиотеке. Наконец, время звучит: слышен звон колоколов, зовущий на молитву и на трапезу, звучат истории, рассказанные монахами. А. Осипов в своем дневнике цитирует непритязательную стихотворную надпись — напоминание о времени, обнаруженную им на Всесвятском острове на столбике близ домика инока:

Время мчится вперед час за часом непреложно,
И вернуть, что прошло, никому ни за что не возможно.
Береги каждый час, их немного у нас для скитанья,
И клади на часы, вместо гирь на весы покаянье.
Приближает всех нас каждый пройденный час ближе к гробу.
Помня этот удел, накапливай добрых дел понемногу,
И отбрось суету, не стремись ко греху так беспечно,
Но в юдоли земной обновися душой к жизни вечной...

[Осипов 1940: 19]⁷.

⁷ Это чувство времени, осознанное на Валааме, А. Осипов, в советский период отрешившись от веры и от сана, проецирует на религиозное представление времени у патриарха Алексия (Симанского). В своем докладе в КГБ в июне 1951 г. он передает его мысли: «Пусть все кругом меняется — мы должны застыть такими, какими были сотни лет назад. Пусть наша неизменяемость, неподчиняемость духу времени символизирует вечность церкви. Нам радостно видеть, что нас и ныне окружает то же самое в церкви, что мы видели с детских лет, чем жили отцы, деды и прадеды. Нам должно научиться хранить прошлое вопреки настоящему. В этом наша сила, в этом наша правда» [Осипов 1951: 923].

Каждый, кто соприкасался с Валаамом, вписывал себя в его историю и в пространство. Полифонический «валаамский текст» узнается по деталям ландшафта, монастырского быта, фигурам легендарных и живых обитателей древнего монастыря. «Валаамское ожерелье» как неповторимый природный комплекс вызывает яркие переживания и у насельников, и у паломников-богомольцев, и у людей светских — профессиональных литераторов. Здесь рождаются духовные, публицистические и литературные тексты. Любопытным примером последних может служить иллюстрированный стихотворный путеводитель «Валаам», созданный иеромонахами Петром Михайловым и о. Викентием, изданный в Таллинне в 1935 г. Это первый образец прерванной в 1917 г. книгопечатной деятельности Валаамской обители⁸ — «труд Валаамских иноков», «скромная лира монахов», звучащая «полным аккордом жаркой любви к Валааму».

Путеводитель открывается переложением знаменитой песни-гимна «О, дивный остров Валаам». Текст этот и его фрагменты воспроизводятся в разных вариациях во многих литературных произведениях о монастыре:

О, дивный остров Валаам!
Рука Божественной судьбы
Воздвигла здесь обитель рая,
Обитель высшей чистоты.
Обитель чудную, святую,
Жилище избранных людей,
Обитель сердцу дорогую,
Обитель мира от страстей.

---

⁸ В 1933 г. настоятелем обители стал иеромонах Харитон (Дунаев), при котором монастырь возобновил книгопечатание. В 1936 г. он опубликовал сборник поучений святых отцов о молитве Иисусовой. Позже о. Харитон написал книгу «Аскетизм и монашество», которая была издана в 1943 г., уже после разрушения старого Валаама, во время короткой попытки его возобновления в годы Второй мировой войны. С наступлением линии фронта 20 июня 1944 г. монахи должны были вновь покинуть родную обитель, на этот раз навсегда.

Богоизбранная обитель!
 Пречудный остров Валаам!
 Тебя дерзнул воспеть твой житель:
 Прими его ничтожный дар! [Валаам 1935: 5]

Далее следуют экскурсы в историю и стихотворные «прогулки» по монастырю, его хозяйственным постройкам, по скитам и многочисленным островам, украшенным часовнями, садами, устроенными трудами монахов под неутомимым руководством игумена Дамаскина (Кононова), при котором монастырь достиг своего наивысшего расцвета [Резников: 90–93]. Издание богато иллюстрировано фотографиями памятных мест, сделанными многочисленными паломниками. Определяется сущность обители как «путеводителя в духовный мир» и статус ее обитателей как «рабов Божиих»:

Смиранных иноков обитель!
 Приют трудящихся рабов,
 В духовный мир путеводитель,
 От силы вражией покров... [Валаам 1935: 7].

Есть все основания полагать, что путеводитель «Валаам» дошел и до Парижа. В августе 1935 г. Валаамский архипелаг посетили Б. К. Зайцев с супругой. Свою повесть Зайцев опубликовал сначала в парижской газете «Возрождение» (ноябрь 1935 – март 1936 г.), а затем «Валаам» вышел отдельной книгой в Таллинне в издательстве с символическим названием «Странник» [Зайцев; Любомудров: 378].

Почти все пишущие о Валааме приводят один из важных эпизодов его истории, во многом мифологизированный⁹, положивший начало массовому паломничеству на остров. Мы имеем в виду посещение обители императором Александром I [Остров Валаам: 46–48; Случевский: 341; Валаам 1935: 47]. Наиболее удачный литературный вариант этого сюжета,

⁹ Например, А. Осипов записывает в дневнике о своем пребывании в Смоленском скиту: «Вот маленький заросший лесом островок, на нем из-за деревьев едва заметна избушка. Это “царская кухня”... Здесь царь, если не ошибаюсь, Александр I, в бытность на Валааме, ловил рыбу и варил уху...» [Осипов 1940: 20].

на наш взгляд, находим в изумительной по тонкости письма книге Зайцева. Ему, как никому другому, удалось передать переживание своего паломничества как несущего просветление, гармонию и душевное умиротворение [Любомудров 1995: 157–158]. Так же одушевлен и его рассказ о Валааме. После первых впечатлений от монастыря, его окрестностей и встреч с местной братией Зайцев начинает главу «Александр на Валааме» с описания приезда императора в обитель поздней ночью в августе 1819 г. Из-за беспокойной погоды на Ладоге императорские челны задержались¹⁰, и насельники легли спать:

Не в укор им говорится дальнейшее — они не виноваты — но вышло как бы и по-евангельски: жених явился «во полунощи», а светильники их погасли. Его не встретили. Более трех часов плыл в сумерках, а потом и в полной тьме император Александр, и если бы не огонек св. Николая, покровителя мореходов, на пустынном островке, то и неизвестно, как бы ввел в узкий пролив иеромонах Арсений своего высокого гостя. В тишине и мраке причалили. И лишь когда подымались наверх, по гранитной лестнице, в монастыре узнали о приезде. Зазвонили колокола: монахи спешно стали собираться. Шли во тьме по монастырскому двору с ручными фонариками. А гость стоял на церковном крыльце. Подходили клиросные, в алтаре облачали старого Иннокентия, уже более полувека трудившегося в монастыре, а теперь полубольного (не мог бы, как прежде, носить на себе кирпичи). Александр ждал покорно. Эти минуты, в бурную валаамскую ночь на паперти перед храмом, в который не мог он еще войти, были для него, вероятно, не совсем обычны [Зайцев: 45–46].

---

¹⁰ Ср.: «Самая обитель лежит на острове за 40 верст, из коих первые пятнадцать плавание совершается по заливам. Хотя мы довольно рано пустились в путь, — он однако же продолжался за полночь; при самом выходе из губы густой туман пал на озеро, и поднялся свежий, противный ветер. Молва о Ладожских непогодах колебала несколько доверенность нашу к кормчему, долго служившему на море, прежде нежели посвятил себя церкви; и он уже начал скучать, что долго не прорезываются из туманов светлые куполы и белая колокольня» [Муравьев: 132].

Далее автор пишет о том, что венценосный паломник проявил здесь истинную кротость «богомольца»:

Восемнадцать лет был уже Александр императором, не *просто человеком, а существом-символом, воплощавшим Россию*, мощь ея. Не так легко было снять одежду, к нему приросшую. И по логике жизни, «паломник» должен был ждать, пока в соборе «приуготовляли», и облачившийся Иннокентий, с крестом, в ризе, при открытых царских вратах, встретил посреди храма императора. Люстры сияли, хор пел многолетие. Александр приложился к иконам, подошел под благословение к игумену и по очереди ко всем иеромонахам, каждому целуя руку. Себе же запретил кланяться земно [Зайцев: 47; курсив мой. — Т. III].

Осматривая острова и скиты, император как бы пролагает маршрут для всех последующих путешествий:

Современный валаамский паломник может восстановить путь императора. Теперь к «пустынной келии» покойного схимонаха Николая проведена прекрасная дорога, обсаженная пихтами и лиственницами. Тогда в таком виде ее не было. Государь шел пешком, подымаясь на изволок, слегка задохнулся [Там же: 48].

Келья, к которой пришел Александр, сохранялась и в более поздние времена, каждый паломник видел эту хижину:

Но сейчас видим крохотную келийку, подлинно избушку на курьих ножках, где обитал добрый дух в виде старичка Николая. Теперь над келийкой деревянный шатер, как бы футляр-изба, защита от непогоды и стремление дольше сохранить первоначальное [Там же: 49].

Именно здесь победитель Наполеона съел три нечищенные репки с огорода схимника и, позже на всенощной, когда «старый слепой монах Симон тронул рукой сидевшего с ним рядом государя и спросил тихонько: “кто сидит со мной?” Александр ответил: — Путешественник» [Там же: 50–51]. И хотя далее Зайцев не без иронии пишет о том, что «путешественника» провожали все-таки «по-царски», в итоге он дает Валааму определение «Корень — Россия». Своей фактической и бытовой конкретизацией писатель не снижает и не развенчивает символический образ Валаама, его святынь, но гуманизирует

знаки святости, приближая их к читателю. Чудо как обязательный атрибут культурного события сообщается им как нечто само собой разумеющееся, непритязательно, а потому и убедительно [Любомудров 1999: 360]. Зайцев решает проблему прикосновения к реалиям веры и Церкви через живой рассказ о. Милия о чудесах св. Николая-угодника:

А вот тут, видишь, — он указал на другую фреску, — нарисовано-то мало, а чудо было совсем порядочное. Значит, жил это один богатейший человек, и у него три дочери-красавицы прямо на весь город. Девушки нежные, как обыкновенно богатые бывают. Ну, и вдруг отец-то и разорился... я уж там не знаю почему, но только в нищету такую впал, просто не дай Бог. Ну, прямо, есть нечего... На лице о. Милия изобразилось полное беспокойство за судьбу знатного человека из Патары, потерпевшего крах. Думает-думает, что тут поделаешь: приходится дочерьми торговать... и совсем уж было собрался отдавать их в блудилище... Ну, а тут Николай-то, Чудотворец-то, сейчас и явился. Да как? Тайно! Видишь, в окошко дому ихнего кошелек с золотом бросает? Господь, мол, денежки послал. Отец это обрадовался, и не то что на позор, а девицу честным образом замуж выдал. Видит Николай Чудотворец, что отец себя прилично держит, и еще помог. Да что вы думаете? — всех троих дочерей пристроил! [Зайцев: 67–69].

Резюмируя пережитое на Валааме Зайцев пишет:

Увидишь ли еще все это на родной земле, или в последний раз, перед последним путешествием, дано взглянуть на облик Родины со стороны, из уголка чужого... Этого мы не знаем. Но за все должны быть благодарны [Там же: 78].

Известно, что вернувшись в Париж из своего путешествия, Зайцев передал И. С. Шмелеву «его юношескую книгу “На скалах Валаама”, хранящуюся в монастыре, прислал просфорку, “землицу”, образок...» [Любомудров: 378]. Все это подтолкнуло Шмелева вспомнить свое юношеское произведение и написать очерк-воспоминание «Старый Валаам». По-видимому, стихотворный путеводитель также побывал в руках писателя. На это указывает полускрытая неточная цитация песни-гимна «О, дивный остров Валаам!» в VIII главе, где у Шмелева речь идет о некоем стихе инок о. Петра, везущего

паломников на лодке по островам. Естественно, что Шмелеву «стишок» рясофорного монаха «с восторгами перед неземной красотой обители» мог запомниться лишь в самом общем виде. Зато под рукой был стихотворный путеводитель «Валаам», и писатель пишет: «В памяти моей сохранились еще иные строфы. Вот, помнится...» — и далее цитирует отрывки из вводного стиха таллиннского путеводителя «О, дивный остров Валаам!».

И. С. Шмелев, начавший свой литературный путь в 1897 г. с цензурного скандала, связанного с изданием очерка «На скалах Валаама»¹¹, через сорок лет вновь возвращается к нему, посвятив его памяти умершей жены. Если смысл монашеского подвига, аскетизма «для юного дарвиниста» остался совершенно закрытым, то позже он все же признавался, что чувствовал «во всем присутствие божества» [Любомудров: 369]. После долгих лет остров видится Шмелеву в соответствии с канонем, сложившемся в «валаамской» литературе в XIX в., например, в путешествии А. Н. Муравьева на Валаам в 1830 г. или в ознакомительной брошюре «Остров Валаам и тамошний монастырь» (1852). В них задается схема описания монастыря: географическое положение, хозяйственное и духовное устройство, легендарная история, быт, скиты, богомольцы, монастырская библиотека, флора и фауна острова. Эта традиция соблюдается как в художественных, так и в публицистических текстах валаамского цикла.

Схема нарратива, включающая географический и исторический дискурс, элементы жития, диалоги с насельниками, в различных вариантах переключивается из литературы XIX в.

---

¹¹ Материалом для брошюры послужило свадебное путешествие четы Шмелевых на святой остров в 1895 г. После всех перипетий, связанных с изданием и распространением книги, Шмелев почти десять лет ничего не писал. А. М. Любомудров сделал основательный анализ двух валаамских произведений Шмелева, показав путь писателя от ироничного духовного рационализма к осознанной христианской позиции — передать «дух святости и благодати, наполняющий Валаам, просветляющий иноков и паломников» [Сорокина: 43; Любомудров: 382].

в «валаамский текст» XX в.¹² Элементы канонического повествования в разных вариациях можно проследить во всех научных, религиозных, публицистических, литературных текстах и популярных путеводителях по Валааму. В свое время Шмелев разрушил этот канон, а в «Старом Валааме» снова приблизился к нему, сосредоточившись на гармонии локуса и его обитателей:

Остров Валаам расположен на севере Ладожского озера и привлекает каждый год тысячи туристов. Причин для этого несколько: уникальная природа острова, сосновые леса на отвесных скалах, теплые и тихие внутренние озера, наконец, на острове расположен Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. Северным Афоном, «Честною и великою Лаврою» называли эту древнюю иноческую обитель, основанную преподобными Сергием и Германом, Валаамскими чудотворцами¹³. Не раз Валаамский монастырь подвергался опустошениям и разорениям, не раз иноки его падали под острием меча, не раз пылали святые храмы. Но всякий раз, оправившись от ударов, он подымался и расцветал. Валаам остался на своем граните, — «на луде», как говорят на Валааме, — на островах, в лесах, в проливах; с колоколами, со скитами, с гранитными крестами на лесных дорогах, с великой тишиной в затишье, с гулом леса и воли в ненастье, с трудом — для Господа, «во Имя». Как и святой Афон, Валаам, поныне, — светит. Афон — на юге, Валаам — на севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся «ночь мира», — нужны маяки. <...> И вот, живые нити протянулись от «ныне» — к прошлому, это

---

¹² «Паломническая литература» лишь отчасти подпадает под определение Ю. М. Лотмана о «литературе путешествий» как о «ритуализированной лжи» [Лотман: 624], если только не воспринимать всю религиозную историю, литературу и обрядность как «ритуализованную ложь».

¹³ Ср.: «Таково незыблемое укрепление Валаамского монастыря, двое — “Сергий дивный и Герман чудный”. На этом нерушимом основании простояла обитель почти десять веков, хотя и подвергалась многократным разорениям, сожжениям и запустению. Но возрождаясь как феникс из пепла, вновь процветала, “яко крин”, и вновь теплилась лампада перед ракою Преподобных...» [Янсон 1940: 29].

прошлое мне светит. В этом свете — тот Валаам, далекий. И я подумал, что полезно будет вспомнить и рассказать о нем: он все такой же, светлый [Шмелев: 3].

Отметим, что если Валаам для Шмелева-эмигранта — путешествие-воспоминание, то Псково-Печерский монастырь в Эстонии — это реальное паломничество, которое было осуществлено им в сентябре 1936 г. [Вести дня: 2; Русский вестник: 2; Сорокина: 259–260].

Рассказы о Валааме старших литераторов стали стимулом для думающей русской молодежи, мечтавшей в эмиграции о некоем идеальном образе Родины. Совсем не случайно в молодежном, далеком от религии таллинском альманахе «Новь» печатаются «Поденщик Христов» Д. С. Мережковского, рассказы местных авторов В. Никифорова-Волгина, Б. Назаревского, Вл. Гущика и других, обнаруживающих свое понимание истинного христианства в произведениях русских классиков и в народном сознании.

С утратой китежской легенды¹⁴, связанной с поисками «русского Грааля» на Святой Руси и в дореволюционной куль-

---

¹⁴ Шмелев в речи «К родной молодежи» 1928 г., напечатанной под таким заглавием в журнале «Русский колокол», уподобляет Россию Китежу [Сорокина: 194]. Тему подхватывает участник пражского «Скита поэтов» Евгений Мельников в стихотворении «Китеж»:

Дремучий лес хранит родные старины.
Закат над озером, что птица-жар...
На крыльях херувимов от татарина
Сокрылся тихо Китеж в Светояр [Мельников: 2].

В Эстонии Борис Новосадов (Тагго) писал:

В счастье — миражный Китеж
Веры нет у меня.
Это и Ты видишь,
За холодность не кляня... [Новосадов].

С другого берега Финского залива вторила Вера Булич:

Россия... Россия — наш Китеж-град,
Сокрывшийся в глуби подводной.

туре, в среде русского зарубежья начинаются мучительные поиски новых идеалов.

Художественные писания о Валааме известных русских писателей-парижан пробудили интерес к христианской святости, к древним русским традициям в монастырях: Печерском — в Эстонии и на Валааме — в Финляндии. О значении последнего для русских Финляндии, в противовес привычному «дачному пространству» этого локуса, писали в своей книге Наталия Башмакофф и Марья Лейнонен¹⁵.

Паломничество на Валаам из Эстонии имеет свою историю, и оно глубоко отлично от туризма, ставшего весьма популярным в межвоенный период. В проспектах предложений Эстонского общества туризма значились местные Пюхтицкий и Печерский монастыри. Поездки же на Валаам с 1928 г. (сначала для гимназистов, а затем и для всех желающих из Таллинна и Нарвы) организовывал паломнический центр, руководимый Владимиром Ивановичем Тирманом [Осипов 1940: 15, 33]. В 1930-е гг. в газете «Старый нарвский листок» постоянно появляются объявления о наборе паломников на Валаам, сообщается о лекциях М. Янсона с демонстрацией световых картин и выступлением хора под управлением Н. А. Клааса [СНЛ 1934: 3; Янсон 1935: 2–3; Экскурсия: 3; СНЛ 1936: 3]. Всем этим в Нарве, а позже в Таллинне заведовал священник Александр Киселев¹⁶, избранный настоятелем Нарвского Ивангородского Успенского собора в 1933 г. Все доходы от лекций шли на издание православной литературы.

Над нею года неизбывных утрат
Сомкнулись волною холодной [Булич].

¹⁵ Интерес к внешней реализации одухотворенных примет Валаама отмечается в работах художников зарубежья Н. Рериха, его эстонского корреспондента Н. Роота и др. [Baschmakoff, Leinonen: 177–182; Осипов 1940: 1].

¹⁶ Киселев Александр Николаевич (1909–2001), протоиерей таллиннской Никольской (Коппельской) церкви 1938–1941, в эмиграции настоятель Лос-Анджелесской православной церкви [ИАЭ 1655–3–650; ИАЭ 2100–1–4793; Алфеева: 20–21].

По воспоминаниям супруги Калифорнийского благочинного, протоиерея Дмитрия Гизетти Маргариты Романовны¹⁷, учившейся в таллиннской русской гимназии, в конце 1930-х гг. они с подружкой и группой молодых людей ездили на Валаам в сопровождении таллиннских священников Александра Осипова¹⁸ и Александра Киселева:

Группу водил отец Памво, удивительно кроткий, смиренный и исполненный любви ко всему живому монах. Нам открылся особый мир жизни в Боге, и мы чувствовали, что это очень глубокая и благодатная жизнь [Алфеева: 19; ср.: Зайцев: 18, 20].

В русской публицистике Эстонии «валаамский бум» относится к середине 1930-х гг. В 1937 г. на остров в поисках истины и благодати отправились богословы Иоанн Богоявленский¹⁹,

---

¹⁷ Гизетти Маргарита Романовна, урожд. Банг (1923–2006), поступила в Тартуский университет перед самым началом войны. В 1944 г. вместе с родителями бежала в Германию, в 1947 г. вышла замуж за Дмитрия Гизетти, и в 1950 г. они переселились в США. Работала просвирней в православных приходах Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, где священствовал ее муж [Album Academicum III: 464; Алфеева: 19–22].

¹⁸ Осипов Александр Александрович (1911–1967), выпускник богословского факультета Тартуского университета, mag. theol. (дис. «Христианский пастырь по проповедям Иоанна Златоуста», 1935), протоиерей, профессор Ленинградской духовной академии. В 1959 г. отлучен от церкви, автор ряда атеистических книг [ИАЭ 2100–1–10678; ИАЭ 2100–2–773; Алфеева: 19; Милютина: 104; Шкаровский: 201].

¹⁹ Богоявленский Иоанн Яковлевич (1879–1949), епископ Таллиннский и Эстонский Исидор (1947). Магистр богословия С.-Петербургской Духовной академии (дис. «Значение Иерусалимского храма в ветхозаветной истории еврейского народа», 1915). С 1919 г. жил в Эстонии, служил в Александро-Невском соборе, а после 1936 г. был настоятелем в храме свв. Симеона и Анны; преподавал Закон Божий в ряде учебных заведений Таллинна. Активно участвовал в работе Русского Православного Студенческого Движения, возглавлял делегации на ряде съездов, руководил работой семинаров. С 1930 г. протоиерей Иоанн редактировал вы-

Александр Осипов и таллиннский учитель Михаил Янсон²⁰. Их разнообразные сочинения о Валааме представляют собой отдельный «эстонский» пласт «валаамского текста». Каждый из упомянутых авторов достоин отдельного рассмотрения с точки зрения вклада в христианскую публицистику.

Русским Прибалтики, чтобы прикоснуться к «северному Афону», достаточно было скопить немного денег и летом в Таллинне или в Риге сесть на пароход, доплыть до Хельсинки и оттуда на поезде добраться до Сердоболя (Сортавала); в обитель прибывали на специальном катере.

Даже неосуществленная мечта о паломничестве приносила счастье. Бедный рижанин, герой были А. Осипова «Как поступает христианин!», с трудом скопивший денег на путешествие на Валаам, неожиданно получает повышение по службе и не может поехать в обитель. Тогда он отдает деньги в паломнический пункт, чтобы другие смогли ими воспользоваться для этой же цели [Осипов 1940: 41].

Для понимания и толкования произведений валаамского цикла в русской публицистике Эстонии необходимо учитывать как личность каждого из авторов, так и общий фон складывания «валаамского текста». Здесь важно упомянуть публикации в журнале «Православный собеседник», который выхо-

---

ходивший в Эстонии журнал «Православный собеседник». В 1938 г. основал трехгодичные богословско-пастырские курсы, в числе его выпускников был о. Михаил Ридигер, отец патриарха Алексия II [ИАЭ 1655–2–2653, ИАЭ–2–2797; ИАЭ 1655–3–643; Киреев: 405].

²⁰ Янсон Михаил Алексеевич (1887 – после 1943), приемный сын русского секретаря при правительстве Эстонской Республики А. К. Янсона. Окончил естественно-историческое отделение Юрьевского университета в звании кандидата естественных наук (1913); преподавал в таллиннских школах, автор двух книг о Валааме и детской пьесы “Rahuingel” (1930), иллюстрированной писателем-художником К. К. Гершельманом [ИАЭ 402–1–31282; ИАЭ 402–1–31283; ТГА 52–2–489].

дил в Таллинне²¹. На его страницах регулярно печатались новости с Валаама, например, «Аптека духовная», рукопись Валаамского схимника «О сновидениях», выписки из Валаамского патерика, собрание житий и изречений валаамских старцев и иноков «Жемчуга святоотеческой мудрости» — представлявшие Валаам «изнутри». Здесь можно также найти и паломнический взгляд на монастырь извне (описания паломников). Эти тексты перекликались, образуя причудливый конгломерат религиозной и светской литературы.

Для всех авторов паломничество на Валаам — это практическое понимание дороги к духовному очищению, возможность увидеть примеры иночества и осмыслить путь в святость. Валаамский схиигумен Иоанн говорил, что «духовная жизнь есть наука из наук, требует она глубокого духовного рассуждения и опытного старческого руководства» [Янсон 1938: 37]. Отсюда многочисленные портреты-описания иноков, схиигуменов, отшельников с неизменной попыткой воссоздания их личных биографий-житий, открывающих путь к очищению и к светлой искупительной смерти, при этом «синтетический комплекс» «чужого слова» (библейская история, местные истории и легенды, жития) «переплавляются» в писаниях о Валааме в «свое».

Естественник Михаил Янсон побывал на Валааме еще студентом Юрьевского университета во время экскурсии на Белое море [ИАЭ 402–1–31282: 38]. В 1920-е гг. он разработал познавательный экскурсионный лекторий для школ, а в зрелые годы серьезно обратился к валаамской теме, волновавшей его с точки зрения осознания позиции человека в мире духовном [Janson 1924–1925]. В своей первой брошюре «Валаамские старцы», основой для которой послужил Валаамский па-

---

²¹ Русский православный журнал, издавался с апреля 1931 по июль 1940 г. Вышло 94 номера. В качестве приложения были опубликованы магистерская диссертация А. Осипова «Пастырский идеал св. Иоанна Златоуста и наши дни» [Осипов 1938] и книга И. Богоявленского «Изъяснительные записки на символ веры» [Богоявленский 1938].

терик, он открыл много интересного для читателей Эстонии. Например, то, что Порфирьевский остров в валаамском архипелаге был назван по имени бывшего дерптского студента, инока Порфирия. Он первым поселился на нем и погиб в волнах Ладоги, провалившись под тонкий лед в 1828 г.²² В итоговой работе Янсона «Большой скит на Валааме», изданной, как и книга Зайцева, в издательстве «Странник», описываются примеры «подвижнической жизни» валаамских иноков в самом старом из скитов — во имя Всех Святых. Книга составлена как путеводитель, ведущий читателя по всесвятскому кладбищу иноков: «За сто двадцать лет — десять могил» [Янсон 1940: 76–79]. Десять иноческих историй и беседы автора со схимонахом о. Пионием, доживающим свой век на острове, должны были посвятить читателя в то, что не доступно простому паломнику:

Сокрылись в келлиях²³ недоступного скита старцы, затаили подвиги свои и достижения. Молчит лес, укрывший уединенный скит, немотствуют громады гранитных скал, безмолвны необъятные просторы озера-морья... Хорошо спрятано, надежно укрыто!.. [Там же: 88].

Последние паломничества на остров совершались в лето 1939 г. незадолго перед Зимней войной, положившей конец старому Валааму. А. Осипов составил подробный дневник

---

²² «Схимонах о. Порфирий был из дворян, воспитывался в Дерптском университете, в 1821 г. поступил в курский Знаменский монастырь и там с именем Порфирий пострижен в рясофор. В 1824 г. по прошению перемещен в Коневский монастырь и жил там в безмолвном уединении. В 1826 г. перемещен, по прошению, в Валаамский монастырь и здесь в 1827 г. пострижен в монашество 19 февраля и облечен в схиму 30 марта. Жил он в пустыни, проводил строгую подвижническую жизнь, но без старческого руководства <...> 23 октября 1828 г., когда заливы только покрылись тонким льдом, шел о. Порфирий в скит к духовнику <...>, утонул, провалившись под лед 28 лет от рождения» [Янсон 1938: 64–65].

²³ По афонской терминологии, «келлия» — небольшая обитель с церковью или часовней [Талалай: 6].

этого недельного путешествия, начавшегося 19 июня 1939 г. на пароходе «Рюген» под флагом немецкого рейха. В нем регистрируются все самые мелкие детали, а главное — автор описывает самого себя в этом путешествии:

...с 97 паломниками на борту впервые и не впервые предпринявших путешествие на Валаам <...> А что ждет меня?.. Меня, едущего на Валаам вторично? Меня, столько получившего в первую поездку, что два года жизни после этого оказались прочно окрашенными, пронизанными незримым светом Валаамских пустынь? Можно ли получить больше, что уже получено? Бог и будущее покажут. Но на душе праздник, и волны Балтики шумят Ладожским плеском [Осипов 1940: 3].

На горизонте маячит финско-советский конфликт, что же будет с монастырем? Осипов отвечает на этот вопрос в посвящении к отдельному изданию дневника в марте 1940 г. В свете последних политических событий он предчувствует скорую гибель обители, но еще без намека на свою будущую судьбу и жизнь без Бога:

Удивительна судьба настоящего дневника. Когда летом минувшего 1939 года я напечатал «Путевую тетрадь I» в «Православном Собеседнике», в мире был мир. Когда в следующем номере явилось продолжение, шла германо-польская война. III тетрадь была свидетельницей дальнейшего развития мировых событий. Печатаю IV в начале советско-финской кампании, я уже внимал с тревогой первым вестям о военной грозе над самим монастырем. V продолжение совпало с эвакуацией первой части иноков. VII — с окончательной эвакуацией монастыря, а последнее было помещено одновременно с известием о тяжелых разрушениях, постигших обитель. Ныне, когда «Путевая тетрадь» печатается отдельным изданием, заключен мир, по которому Валаам делается достоянием СССР. По-видимому, монастыря на архипелаге больше не будет. 16 марта, память Лазаря четверодневного, но воскресшего [Там же: Б. п.].

В эту последнюю поездку А. Осипов²⁴ вел беседы со схиигуменом Иоанном, который, как оказалось, не был чужд последних достижений науки, интересовался физикой, был в курсе содержания «Мистической трилогии» М. В. Ладыженского, разрабатывавшего идею о том, что отшельнический образ жизни развивает «сверхсознание», способность к непосредственному восприятию тайны бытия.

И еще раз о чудесах Валаама. В числе последних эстонских паломников был и 9-летний Алеша Ридигер, который с родителями дважды совершил путешествие на Валаам. По его свидетельству, эти паломничества оставили в его душе неизгладимый след. Только через 60 лет он вновь возвратился туда, но уже как Патриарх Московский Алексей II, чтобы благословить восстановление древней христианской святыни.

ЛИТЕРАТУРА

Исторический архив Эстонии = ИАЭ

ИАЭ 402–1–31282 Личное дело студента Юрьевского университета Михаила Янсона. 1908–1912.

ИАЭ 402–1–31283 Личное дело студента Юрьевского университета Михаила Янсона. 1908–1912.

---

²⁴ М. Р. Гизетти вспоминала: «1939 год стал последним для старого Валаама: в Финскую войну монастырь эвакуировали. Но главными влияниями нашей юности остались эти семь дней на Валааме, съезды Русского студенческого христианского движения и наш любимый законоучитель. Интересно, что этим пламенным учителем веры был отец Александр Осипов, известный тем, что позже публично отрекся от веры. С тех пор, как его мобилизовали в Красную Армию, мы его не видели. Но я никогда не поверю, что это скандальное отречение было искренним. Рассказывают, что перед смертью он плакал и звал священника, но к нему никого не допустили. Для многих из нас это долго оставалось одной из страшных тайн советской системы: какими средствами добивалась она таких отречений человека — не только от родных, любимых, но и от своей души?» [Алфеева: 19].

- ИАЭ 2100–1–4793 Личное дело студента Тартуского университета Александра Осипова. 1931–1935.
- ИАЭ 1655–2–2653 Список духовенства Нарвской епархии и отчет о церквях 1944–1945.
- ИАЭ 1655–2–2797 Выписки из протоколов Синода ЭАПЦ об образовании и о деятельности русского Симеоновского прихода в Таллинне. 1936–1939.
- ИАЭ 1655–3–643 Послужные листы духовенства ЭАПЦ 1904–1928.
- ИАЭ 1655–3–650 Послужные листы духовенства ЭАПЦ 1933–1940.
- ИАЭ 5355–1–288 Фотографии Валаамской обители из фонда ЭАПЦ в изгнании.
- Таллиннский городской архив. 52–2–489 Личное дело преподавателя Михаила Янсона. 1922–1943.
- Алфеева: *Алфеева В.* Странники // Знамя 1999. № 1.
<http://magazines.russ.ru/znamia/1999/1/alveev.html>. (16.12.2009)
- Богоявленский 1937: *Богоявленский И.* Валаамские впечатления // Православный собеседник. 1937. № 8. С. 91–100.
- Богоявленский 1938: *Богоявленский И.* Изъяснительные записки на символ веры. Таллинн, 1938.
- Булич: *Булич В.* Маятник. Гельсингфорс, 1934.
- Валаам: <http://valaam.ru/ru/oldvalaam/>
- Валаам 1935: Валаам: Стихотворения. [Таллинн], 1935. С. 3.
- Валаамский монастырь: Валаамский монастырь // Православный собеседник. 1934. № 12. С. 173.
- Вести дня: Писатель И. Шмелев в Петсери // Вести Дня. 1936. 4 сент. № 200. С. 2.
- Гершельман: *Гершельман К.* О современной поэзии // Новь. Таллинн, 1934. Сб. 6. С. 55.
- Горбаневский: *Горбаневский М.* В мире имен и названий. М., 1987.
- Жизнь 1922: Постановление финской церкви // Жизнь. 1922. 20 июня. № 50. С. 3.
- Зайцев: *Зайцев Б.* Валаам. Таллин, 1936.
- Зайцев 1993: *Зайцев Б. К.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2.
- Кайгородова: *Кайгородова И.* Валаамский монастырь // Новь. Таллинн, 1928. Октябрь. С. 2.
- Киреев: *Киреев А.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 годах. М., 2002.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Письмо Б. А. Успенскому от 25.10.1981 // Лотман Ю. М. Письма 1940–1993 / Сост. Б. Ф. Егоров. М., 1997.

- Любомудров: *Любомудров А. М.* Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелева // Христианство и русская литература. Сб. статей. СПб., 1994.
- Любомудров 1995: *Любомудров А. М.* Монастырские паломничества Бориса Зайцева // Русская литература. 1995. № 1. С. 137–158.
- Любомудров 1999: *Любомудров А. М.* «Прибежище и надежда». Саровский чудотворец в рассказах русского зарубежья // Христианство и русская литература. Сб. статей. 3. СПб., 1999.
- Мельников: *Мельников Е.* Китеж // Новь. Октябрь. Таллинн, 1930. С. 2.
- Мережковский: *Мережковский Д.* Поденщик Христов // Новь. Таллинн, 1934. Сб. 8. С. 85.
- Милютина: *Милютина Т. П.* Люди моей жизни. Тарту, 1997.
- Михайлов: *Михайлов О. М.* Об Иване Шмелеве // Шмелев И. С. Избр. соч. М., 1999. Т. 1. С. 5–17.
- Муравьев: *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. Ч. 1.
- На Валаам: На Валаам. Путеводитель / Сост. [Л. М. Лейбошиц]. Петрозаводск, 1966.
- Новосадов: *Новосадов Б.* Из цикла «Лето 1934» // Новь. Таллинн, 1934. Сб. 7.
- Осипов 1934: *Осипов А.* Духовный смысл светской литературы // Православный собеседник. 1934. № 8. 109–112.
- Осипов 1938: *Осипов А.* Пастырский идеал св. Иоанна Златоуста и наши дни. Таллинн: Православный собеседник. 1938.
- Осипов 1940: *Осипов А. А.* Путевая тетрадь: (На Валаам!). Таллинн: Православный Собеседник, 1940.
- Осипов 1951: Доклад секретного осведомителя, профессора протоиерея А. Осипова Ленинградскому уполномоченному А. И. Кушнареvu о положении в Московской Патриархии // Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. СПб., 1997. Т. 1: 1917–1970.
- Остров Валаам: Остров Валаам и тамошний монастырь. СПб., 1852.
- Почепцов: *Почепцов Г. Г.* Русская семиотика. М., 2001.
- Православный собеседник: орган православной мысли в Эстонии / изд. и ред. И. Богоявленский. Таллинн, 1931–1940.
- Резников: *Резников Л. Я.* Валаам раскрывает тайны: [ист.-краевед. очерк]. Петрозаводск, 1975.
- Русский вестник: Писатель И. Шмелев в Петсери // Русский вестник. 1936. 5 сент. № 70.

- Случевский: *Случевский К. К.* Балтийская сторона: Путешествия их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княжны Марии Павловны в 1886 и 1887 гг.: С картою пути. С.-Петербург: [s. n.], 1888 (=По северу России. Т. 3).
- СНЛ 1934: Лекция о Валаамском монастыре // Старый нарвский листок. 1934. 10 дек. № 143.
- СНЛ 1936: М. Поездка на Валаам (Впечатления экскурсанта) // Старый нарвский листок. 1936. 8 июня. № 73.
- Сорокина: *Сорокина О.* Московянка: жизнь и творчество Ивана Шмелева М., 1994.
- Талалай: *Талалай М. Г.* Некрополь Свято-Андреевского скита на Афонской Горе. СПб., 2007.
- Харитон: *Харитон [Дунаев], иеромонах.* Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях: (по документам и записям инока). Валаам. Спасо-Преображ. монастырь, 1927.
- Шкаровский: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. СПб., 1995.
- Шмелев: *Шмелев И. С.* Старый Валаам. М.; СПб., 1997.
<http://www.wco.ru/biblio/books/shmelev1/Main.htm>
- Экскурсия: Экскурсия на Валаам // Старый нарвский листок. 1936. 18 мая. № 53.
- Янсон 1935: *Янсон М. Я.* Валаамский монастырь. (К предстоящей экскурсии из Нарвы) // Старый Нарвский Листок. 1935. 29 апр. № 48.
- Янсон 1938: *Янсон М. А.* Валаамские старцы. Берлин, 1938. [Напеч. в Таллинне, изд. Libris].
- Янсон 1940: *Янсон Михаил.* Большой скит на Валааме. Таллинн, 1940.
- Album Academicum: Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918–1944. III. Tartu, 1994.
- Baschmakoff, Leinonen: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939: a Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 177–182 (=Studia Slavica Finlandensia. T. XVIII).
- Janson 1924–1925: *Janson, M.* Looduslooliste ekskursioonide küsimusest // *Kasvatus*. 1924. Nr 7. Lk 196–200; 1925. Nr 8. Lk 241–244; Nr 9. Lk 293–296; Nr 10. Lk. 293–296; Nr 11. Lk 330; Nr 12. Lk 370–373.